

В. А. Иванов

Ликвидация ОУНовцев в войсках Ленинградского фронта (август–сентябрь 1941 г.)

Опыт Великой Отечественной войны показал, что боевая и мобилизационная готовность носила прежде всего социально-политический характер. Она была основана в первую очередь на социально-политической монолитности и развитой экономической системе государства, прочном единстве армии и народа, на народном патриотизме. Во многом эти факторы обеспечивались идейно-воспитательной работой среди призывного контингента и военнослужащих РККА и ВМФ.

Крупнейшие военные поражения СССР в 1941–1942 гг. убедительно продемонстрировали все промахи и системные недостатки в ее организации, содержании и направленности¹. Во многих частях и соединениях в этот период свирепствовала «комиссаровщина», сочетавшая в себе худший опыт гражданской войны и полицейского произвола. Особенно болезненно она проявлялась при проведении мероприятий по ликвидации деятельности так называемых ОУНовцев (ОУН — «Организация украинских националистов»), граждан, призванных и мобилизованных в советские Вооруженные силы в 1940–1941 гг. из западных областей Украинской ССР.

К «чистке» этого региона приступили еще накануне войны, после «строго секретного» постановления ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР № 1299-526 «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР» от 14 мая 1941 г.² В документе отмечалась причина столь масштабной государственной акции, которая была связана с усилением активности организации украинских националистов, выразившейся в вооруженном политическом бандитизме, разгуле уголовного насилия и терроре ее сторонников.

На непростую оперативную обстановку в западных областях Украины союзный Наркомат внутренних дел обращал внимание Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР еще в начале декабря 1939 г., предлагая ускорить принятие решения по выселению оттуда так называемых «осадников», которых к середине февраля 1940 г. было выселено

Иванов Виктор Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

более 85 тыс. чел.³ Эта и другие акции властей многократно осложнили ситуацию в регионе, ускорили процесс перехода на нелегальное положение значительной части националистов, осадников и уголовных элементов. Заметно радикализировалось и общественное настроение. Не случайно в апреле 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) предложило Генштабу РККА в двухнедельный срок вооружить весь партийно-советский актив (от райкомов и райисполкомов включительно. — *В. И.*) западных областей Украины⁴.

Проводимые в этом регионе мероприятия по изъятию потенциальной, с точки зрения высшего советского руководства, «пятой колонны», были логическим продолжением чистки 1937–1938 гг. по линии «национальной операции», прошедшей в эти годы на территории РСФСР и других союзных республик. Ее отличительная особенность применительно к западным областям Украины (проводившаяся в мае – июне 1941 г. — *В. И.*) заключалась в том, что репрессиям подвергались не только непосредственные участники контрреволюционного бандподполья, но и их семьи, родственники, в том числе и тех членов ОУН, кто был убит или уже репрессирован властями. Их, в частности, предлагалось судить Особым совещанием при НКВД СССР сроком на 6–8 лет заключения в ИТЛ и выселять в отдаленные районы СССР⁵.

На местах спешно сколоченный партийно-советский актив и развернутые «с колес» органы и войска НКВД практически весь 1940-й и первую половину 1941 г. пытались нормализовать обстановку и нейтрализовать националистическое подполье, которое особенно масштабно охватило Станиславскую, Львовскую, Волынскую, Ровенскую, Тернопольскую, Закарпатскую, Дрогобычскую и Черновицкую области Западной Украины.

Как уже отмечалось, наиболее мощной являлась «Организация украинских националистов» (ОУН), которая была создана, как считает А. А. Плеханов, по заданию и на средства немецкой разведки в 1929 г. бывшим полковником австро-венгерской армии и петлюровским атаманом Е. Коновальцем⁶. После его гибели в Роттердаме в мае 1938 г. в результате спецоперации советских органов безопасности, руководство ОУН перешло к А. Мельнику и С. Бандере⁷. Под лозунгом «борьбы за независимую Украину», как считают современные украинские историки, идеи украинского «интегрального» национализма, не воспринимающего ни национал-социализм, ни фашизм, ни коммунизм, получили массовую поддержку не только взрослого населения, но и старшекласников и студентов Галичины и других регионов Западной Украины⁸.

У советских органов безопасности к началу Великой Отечественной войны уже был накоплен значительный опыт противодействия националистическому подполью и его руководящим центрам как на территории СССР, так и за рубежом. Так, после создания в Харбине в конце 1934 г. Украинской военной организации «СИЧ» (секретарь — Р. Р. Барилевич), одной из задач которой стала подготовка к отторжению от РСФСР Уссурийского края, где 60 % населения составляли украинцы, все структуры органов безопасности (в том числе в РККА. — *В. И.*) были уведомлены о стремлении националистов-нелегалов проникнуть во все советские государственные органы и ведомства⁹.

Участники контрреволюционных ОУНовских организаций (по терминологии органов НКГБ и НКВД СССР. — *В. И.*) арестовывались до 14 мая 1941 г. Вместе с тем применение к ним мер репрессивного свойства по оценке директивного руководства было не упорядочено и носило несистемный характер¹⁰.

На практике все было далеко не так. Создавая видимость законности, власти на местах организовывали показательные процессы над ними и их родственниками, поддерживая курс на ужесточение репрессий. Так, еще в январе 1941 г. Управление НКВД по Львовской области организовало аналогичный процесс над 59 членами ОУН. Среди подсудимых в основном были местные студенты и старшеклассники. Через три дня 42 участника «судебного разбирательства» были приговорены к расстрелу, в том числе 11 несовершеннолетних девушек, а остальные — к 10-летним срокам заключения в ИТЛ¹¹. По подсчетам украинских историков, только в Западной Украине с осени 1939 г. по июль 1941 г. было репрессировано свыше 10 % населения края¹².

В майском (1941 г.) постановлении ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР конкретизировались репрессивные меры как по отношению к членам семей участников украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрывались от органов власти, так и к членам семей участников указанных националистических организаций, главы которых были осуждены к расстрелу. Органам НКГБ и НКВД Украины предписывалось арестовывать эти контингенты и направлять в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества¹³.

Кроме этого на ведомственном уровне территориальными органами ставились задачи по скорейшей организации системы всех видов учетов (по линии УГБ и РКМ. — *В. И.*), быстрому выявлению, преследованию и изъятию участников бандгрупп, а также их пособников. В помощь местным правоохранительным подразделениям направлялись небольшие команды оперативных работников, а в районы, наиболее пораженные бандитизмом, — войсковые группы. Формально территориальные органы НКГБ и НКВД были и так неплохо усилены с начала 1940 г., хорошо владели обстановкой в своих районах, имели учетный аппарат и специальную агентуру в среде местных «националистов» и среди населения.

В условиях начавшейся войны, объявленной мобилизации и передислокации местных органов власти и управления, особенно в западных районах Украины и Белоруссии, эти задачи отошли на «второй план», тем более что еще 21 июня 1941 г. В. Н. Меркулов доложил И. В. Сталину об окончательных итогах операции по «зачистке» западных областей Белоруссии, в которых она проводилась одновременно с «зачисткой» западных районов Украины¹⁴.

В соответствии с директивой НКГБ СССР № 127/5809 от 22 июня 1941 г. о мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией, они повсеместно на всей территории Союза ССР приступили к реализации планов по изъятию так называемого «спецконтингента» (в том числе осадников, спецпереселенцев из западных областей Украины и Белоруссии, беженцев из Польши и др.)¹⁵.

Эти мероприятия коснулись и Вооруженных сил Союза ССР, особенно тех соединений и частей, которые представляли Действующую Армию, фронты и стратегические направления. Так, уже к середине июля 1941 г., по сведениям Третьего Отдела Северного фронта (с августа 1941 г. — Ленинградского. — *В. И.*), в его частях и войсковых соединениях, по неполным данным, насчитывалось 7713 военнослужащих, призванных в РККА в основном в ноябре 1940 г. из областей Западной Украины и Западной Белоруссии. Из них более 4,5 тыс. чел. проходили службу в стрелковых частях. Более 1 тыс. красноармейцев находилось в мотомеханизированных, а 2 тыс. чел. — в частях ВВС и ПВО¹⁶.

Заместитель начальника Особого Отдела полковой комиссар Ф. И. Гусев информировал члена Военного Совета фронта корпусного комиссара Н. Н. Клементьева о том, что среди военнослужащих-западников органами 3-х отделов было выявлено главным образом ранее состоявших в националистических организациях Польши 260 чел. (в переводе с польского эти организации именовались «Стрельцы», «Коло-Молодежь», «Просвет», «ЛУГ» и др. — *В. И.*). У 343 чел. были выявлены родственники в Германии, Франции, Великобритании, Австрии и других странах. На 18 июля 1941 г. был арестован, предан и предавался суду Военного Трибунала Северного фронта 121 военнослужащий из числа «западников», 87 чел. из которых — за принадлежность к националистическим организациям, группам и контрреволюционную агитацию¹⁷.

Практически до середины августа 1941 г. органы военной контрразведки специальными мероприятиями по выявлению исключительно украинских националистов в частях и соединениях Северного фронта не занимались. Во-первых, в силу того, что основное внимание органов безопасности в этот период было сконцентрировано на действиях немецкой разведки и ее приоритетных континентах для ведения подрывной борьбы с Советским Союзом (националисты трех стран Балтии, Польши, Финляндии и др.). Во-вторых, до середины августа 1941 г. Центр информировал фронтовые Особые Отделы НКВД СССР преимущественно об активности националистических формирований на территории Эстонской ССР и Белорусской ССР, практически не упоминая об оперативной ситуации в западных районах Украины¹⁸. В этих условиях в первую очередь предпринимались все меры к «зачистке» действующих частей и соединений от националистов из Эстонии, Западной Белоруссии, Латвии и Литвы.

К августу 1941 г. в центральном аппарате НКВД СССР уже был собран и обобщен значительный объем оперативных материалов о положении дел на Украине, в том числе в ее оккупированных западных районах. Из многочисленных донесений с мест было видно, что после нападения Германии на Советский Союз вместе с частями вермахта на Украину прибыли и ОУНовцы в качестве представителей «особого назначения» центрального органа ОУН, занимавшегося организацией и проведением диверсионно-террористической работы¹⁹.

Хотя большинство историков не признает реконструкций событий, по которым отсутствуют соответствующие факты²⁰, часть современных украинских исследователей, напротив,

буквально объявила войну публикациям о фактах истребления советских граждан сторонниками ОУН на территории Украины уже в первые дни войны. В тоже время было достоверно подтверждено, что украинские националисты, объявляя себя в провокационных целях врагами гитлеровского режима и создавая вооруженные формирования якобы для борьбы с оккупантами, на деле стали их пособниками, приобретая позорный статус «карателей»²¹.

В директиве НКВД СССР № 364 об усилении борьбы с подрывной деятельностью украинских националистов, подписанной зам. наркома внутренних дел Союза ССР В. Н. Меркуловым 14 августа 1941 г., поступившей в тот же день и в Особый Отдел НКВД СССР Северного фронта, говорилось, что «в войне против Советского Союза немцы под флагом борьбы за создание “самостийной соборной Украины” активно используют украинских националистов, в первую очередь членов “Организации украинских националистов”»²². Там же утверждалось, что из этой категории украинских националистов немцы создают диверсионные и шпионские группы, забрасывают их в наш тыл, комплектуют парашютные десанты и особые отряды. На временно занятой территории УССР немцы формируют из ОУНовцев местные органы управления и отряды «милиции», которые проводят карательные действия и чинят зверства в отношении населения, заподозренного в симпатиях к Советскому Союзу или антифашистских настроениях²³.

В документе подчеркивалась опасность сколачивания украинскими националистами кадров «пятой колонны» как в восточных областях Украины, так и по всей территории страны. Утверждалось, что нападение Германии вызвало якобы общее усиление активности ОУНовцев в СССР, отдельные проявления которых уже были зафиксированы в центральном и северо-восточных районах РСФСР. Эта «вражеская работа» ОУНовцев стала, по оценке НКВД СССР, неотъемлемой частью «украинской националистической контрреволюции», подавить которую предлагалось в самые сжатые сроки.

Из архивных материалов военной контрразведки Северного (Ленинградского) фронта видно, что основная операция по ОУНовцам в войсках фронта была завершена Особыми Отделами к январю 1942 г.²⁴, тогда как на территории Ленинграда и области она продолжалась практически весь 1942 год²⁵. Начало массовой операции по ликвидации деятельности ОУНовцев в войсках, как уже говорилось, относилось к августу 1941 г., когда Особым Отделом фронта в арtpолку АККУКС агентурным путем была вскрыта группа военнослужащих, намеревавшихся осуществить организованный переход на сторону противника. Пока еще такие переходы были редкостью в войсках Северо-Западного направления, по сравнению с более поздним периодом, когда, например, с 15 сентября 1941 г. по 27 октября 1941 г. по частям фронта безнаказанно перешло к немцам и финнам 268 чел., а уже за ноябрь этого же года — 622 чел. в составе 140 изменнических групп²⁶. Однако армейская контрразведка фронта располагала сведениями о подобных фактах, приобретших массовый характер летом 1941 г. на других фронтах и направлениях, и пыталась повлиять на ситуацию здесь, в Ленинграде.

Арестованные в арtpолку АККУКС красноармейцы Король, Сорока и Джурач, призванные в РККА осенью 1940 г. из западных областей Украины и Белоруссии, оказавшись в июле 1941 г. на армейских курсах, особенно и не скрывали своего негативного настроения и оценок критического положения дел в войсках, никчемности командного состава Красной Армии, общей дезорганизации порядка в частях, открыто восхищались военными успехами вермахта и др.

Положение с организованностью и порядком в частях Ленфронта было действительно отчаянное. Там, например, с 17 мая по 23 августа 1941 г. дезертировало из подразделений около 14 тыс. чел., 150 из которых были расстреляны перед строем. Только за 15 и 16 августа в тылах обороняющихся частей задержали более 2 тыс. военнослужащих, самовольно оставивших передовую линию. В их числе оказалось более 60 командиров и начальников²⁷.

Из неоднократных донесений Особого Отдела НКВД СССР Ленфронта об аресте, расследовании и осуждении этой группы будущих младших командиров (речь о группе в арtpолку АККУКС) в адрес командующего генерал-лейтенанта М. С. Хозина и НКВД СССР было видно, что ее члены никакого отношения к ОУН не имели, как собственно не были и националистами. Шестнадцать дезорганизованных врагом, общающихся исключительно как «земляки» из западных районов Украины и Белоруссии, по возбужденному делу пошли «контрреволюционной изменческой организацией»²⁸. Ее «руководителем» был определен красноармеец Король, который признался в ходе допросов в получении им якобы еще в конце августа 1940 г. в г. Бресте инструкции от германского разведчика Щегловского о порядке сбора сведений военного характера.

В тоже время в материалах Особого Отдела не упоминалось о Щегловском ни как о члене ОУН, ни как о сотруднике национал-социалистического «Белорусского комитета самопомощи» (нелегальной организации белорусских националистов, возникшей в 1939 г. — *В. И.*). Скорее всего, это и не имело существенного значения, так как Король, Сорока, Джурач и остальные 13 красноармейцев-западников признавались в намерении перейти на сторону противника и в том, что они вели между собой и сослуживцами «враждебные антисоветские и пораженческие разговоры»²⁹. По приговору Военного Трибунала Ленфронта, 9 из них были расстреляны. Судьба остальных оказалась неизвестной.

В докладе начальника Особого Отдела НКВД СССР Ленфронта комиссара госбезопасности III ранга П. Т. Куприна упоминалось о том, что именно «после вскрытия этой контрреволюционной организации, по указанию ОО НКВД фронта, Особорганы активизировали разработку военнослужащих, призванных из западных областей Украины и Белоруссии»³⁰.

Из последующих донесений стало видно также, что ключевыми фигурантами вскрытых и ликвидированных к январю 1942 г. в войсках Ленфронта 26 групп ОУНовцев численностью 179 чел., были исключительно украинские националисты. Теперь все «организации» (по версии особистов. — *В. И.*) возглавлялись только членами ОУН, как оказалось, еще и связанными друг с другом и своими «патронами» на оккупированных территориях Украины.

Может показаться странным, что в определениях Военного Трибунала Ленфронта не было даже намека о необходимости более тщательной проверки сведений об итогах спецмероприятий по призывникам из западных районов Украины, представленных с мест в Москву осенью 1940 г. и весной 1941 г. Ведь на практике Особорганы хорошо знали, с какой тщательностью подходили на местах к проверке всех сигналов о причастности призывников к нелегальным антисоветским структурам, в том числе и к ОУН, тем более что территориальные органы госбезопасности Украины в рамках циркуляра НКГБ УССР № А-1282 от 10 апреля 1941 г. «Об усилении борьбы с националистическим подпольем в западных областях Украины» были озадачены выявлением ОУНовцев, негласно прошедших приписку и тайную мобилизацию в различные подразделения ОУНовской организации и временно «законсервированных» как резервисты³¹.

Даже теперь непросто понять и то, чем руководствовались разработчики дел по ОУНовским организациям в войсках, связывая членство в них красноармейцев-западников с обвинительным тезисом о причастности (либо «тогда» — до мобилизации и призыва, либо сейчас — в войсках. — *В. И.*) к шпионской деятельности, которую они всячески отрицали, в то время как некоторые из них в разговорах между собой действительно обсуждали многие острые проблемы сложившегося военного положения, в том числе возможное пленение и добровольную сдачу врагу, желание держаться вместе и т. п. Уже одного этого было достаточно для их оперативной профилактики, изоляции и осуждения.

Однако Особорганы, выполняя инструкции и указания военного командования фронта, избрали линию по искоренению даже отдаленных намеков на возможную «пятую колонну», по сути защищая войска Ленфронта от лиц, которые не столько были призваны с западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских советских республик, сколько не смогли доказать свою непричастность к изменническим намерениям и действиям.

В сентябре 1941 г. Особый Отдел 23-й армии Ленфронта представил Военному Трибуналу дело о контрреволюционной организации украинских националистов в 603-м ветлазарете, по которому было арестовано 23 чел.³² По версии чекистов, эта организация оформилась еще в июле – августе 1941 г., в период наиболее напряженных боев на подступах к Ленинграду. Первоначально к следственным действиям было привлечено небольшое количество военнослужащих, проходящих лечение в лазарете в эти месяцы и призванных в разное время из западных областей Украины и Белоруссии, якобы намеревавшихся перейти на сторону противника.

Командующему фронтом генерал-лейтенанту М. С. Хозину и в НКВД СССР было доложено о том, что организаторами данной преступной структуры оказались активные члены ОУН Колодницкий, Дудич и Мацневич, не отрицавшие связи со своими кураторами во Львове, некими Сашко и Гошковым. Арестованные Колодницкий и Дудич признавали, что в личной переписке со связными еще накануне и в самом начале войны они передавали информацию об известных им воинских частях, их вооружении и дислокации, подпадающую под определение «сведения шпионского характера о Красной Армии», шифруя ее при помощи тайнописи³³. Помимо всего

прочего, Колодницкий Львовским проводом был назначен «смотрящим» (блатной жаргон. — *В. И.*) за всеми выявленными им в войсках членами ОУН. В задачу этого ОУНовского активиста входила подготовка членов организации националистов, а также антисоветски настроенных красноармейцев-украинцев, в прошлом жителей Польши, к переходу на сторону противника.

Как видно из материалов Военного Трибунала Ленфронта, все арестованные по делу ОУНовцы признали себя виновными. Трибунал приговорил 18 чел. к расстрелу, а 5 чел. — к 10 годам лишения свободы в ИТЛ, с последующим поражением в политических правах сроком на пять лет.

В декабре 1941 г. все в той же 23-й армии, теперь только в 633-м армейском ветлазарете, была вскрыта группа бойцов и командиров, ставивших своей целью разоружение караульной команды лазарета, уничтожение его руководства и организованный переход на сторону противника 75 военнослужащих лазарета, призванных из западных областей Украины и Белоруссии³⁴. По информации Особого Отдела 23-й армии, по делу проходили активные члены ОУН Стецкив, Коблевский и Палоничка. Группу Стецкого «утяжелили» связью с ранее ликвидированными немецкими агентами Федаковским и Звирбом (члены ОУН. — *В. И.*), а также расстрелянным Колодницким, ранее осужденным по ОУНовской изменческой организации в 603-м ветлазарете армии.

«Зачистка» рядов действующей армии от возможной «пятой колонны» касалась и приданных Ленфронту частей и соединений центрального подчинения (Ставка, Резерв главного командования и др.). Так, осенью 1941 г. в 1-м арtpолку Резерва главного командования была ликвидирована группа из девяти ОУНовцев, в преступной деятельности которых изобличали их сослуживцы по части. Свидетели приводили данные о том, когда, где и с кем арестованные вели пораженческую агитацию, зачитывали немецкие листовки, распространяли панические слухи и др.

Впервые с начала военных действий в делах Особорганов, осуществляющих операцию по ликвидации украинских националистов в войсках Ленфронта, были зафиксированы вещественные доказательства (обрывки немецких листовок, закодированный список членов ОУН, проходящих службу в 1-м арtpолку и других подразделениях и т. п.) их противоправной деятельности. Все 9 чел. во главе с их руководителем Козаком были осуждены Военным Трибуналом фронта к ВМН и расстреляны. В процессе следствия Особый Отдел фронта выявил еще 119 членов ОУН, из которых 56 чел. находились в частях действующей армии³⁵.

В определениях Военного Трибунала Ленфронта в адрес Особого Отдела НКВД в этот период неоднократно оформлялись требования о соблюдении всех процессуальных формальностей при подготовке и проведении следственных действий и оформлению дел по изобличению украинских националистов. Часть таких дел не принималась к производству также по причине грубых нарушений норм процессуального кодекса при квалификации преступления и др.

Тот же Военный Трибунал фронта не только возвращал такие дела на доследование или отменял по ним решения трибуналов армий, но и указывал на конкретных виновников скорой и неправосудной расправы над арестованными военнослужащими. Нередко командующие армиями, оперативными группами, а в исключительных случаях и сам генерал М. С. Хозин, при получении информации о военнослужащих-западниках требовали тщательно разобраться и при возможности дать им право «исккупить свою вину в бою».

Если раньше, в августе – октябре 1941 г., дела по украинским националистам проходили довольно быстро и, как правило, не были обременены сбором доказательств и их проверками, то в ноябре – декабре 1941 г. ситуация заметно изменилась. Это особенно проявилось по делу так называемой «Изменнической группы в дорожно-эксплуатационном полку Ленинградского фронта». Там в ноябре – декабре 1941 г. была вскрыта и ликвидирована группировка из западников-украинцев, членов ОУН в количестве 13 чел.

Генерал П. Т. Куприн сообщал 9 января 1942 г. Члену Военного Совета фронта А. А. Жданову многие подробности о ее деятельности, приводя примеры, факты и прямые показания, данные по делу в ходе следствия³⁶. Из дела видно, что 12 военнослужащих были призваны осенью 1940 г. из Тернопольской области, а 7 чел. из них — Н. Цепенда, М. Корнак, М. Белобровка, А. Жиромский, М. Петрашек, П. Федоров и П. Блаженко — из одного Белобожинского района. Все они оказались в одной части и в течение года тесно общались друг с другом.

Было установлено, что еще до своего призыва в РККА они были нелегально приписаны к Тернопольскому проводу ОУН (в 1937 г. им было по 15–16 лет. — *В. И.*) и в целом поддерживали идеи националистов, а отправку в ряды Красной Армии встретили враждебно, договорившись еще в ноябре 1940 г. при первой возможности дезертировать из ее рядов. Петр Блаженко на допросе 19 декабря 1941 г. показал, в частности, как он совместно с Романом Блаженко, Николаем Цепендой и Михаилом Петрашеком по пути в часть договорился не только держаться вместе, но и при первой возможности с оружием покинуть место службы. «Мы, заявил он, были уверены, что нам украинцам незачем защищать большевиков»³⁷.

Роман Блаженко на допросе 28 декабря показал, что он до начала войны активно переписывался с руководителем сельской ОУН Братком, который просил его подробнее описывать условия службы, быт, состояние дисциплины, отношение сослуживцев к выходцам из западных областей Украины и т. п. Арестованный заявлял, что он, зная о возможном контроле их переписки, старался всячески «шифровать» эти сведения. Групповой переход к немцам поздней осенью 1941 г. они планировали осуществить во время минирования полей или при саперных работах, производимых вблизи немецких позиций.

В делах, представленных в Военный Трибунал фронта, оказались подобраны многие материалы, которых не было в аналогичных делах еще несколько месяцев назад. Возрос объем доказательной базы, появились протоколы очных ставок (что было скорее исключением,

чем правилом. — *В. И.*) Оперативный состав, работающий по делу, провел ряд установочных мероприятий. Стали более аккуратно вестись протоколы допросов, составляться описи изъятых вещдоков и др.

Эти процессуальные формальности имели важное значение, так как стала четче проясняться роль каждого обвиняемого по рассматриваемому делу, а значит, и возможность более объективного судебного решения.

Все 13 чел., проходящих по данному делу «изменнической группы в 8 ДЭПе», трибуналом фронта были признаны виновными и осуждены к ВМН, что лишний раз подтвердило выбранную линию тогдашнего военно-политического руководства в буквальном смысле на ликвидацию украинских националистов из числа военнослужащих РККА, объективно поддающихся под признаки «о намерениях к самовольному переходу линии фронта на сторону противника в составе организованной группы».

Далеко не все в тот период и позже, вплоть до конца войны (в том числе и сотрудники Особорганов. — *В. И.*), были сторонниками чрезмерных мер репрессии против ОУН, «Белорусского комитета самопомощи» и других националистов. Действительно, чаще всего из дел не была видна их роль в местных националистических организациях до призыва в РККА, куда, скорее всего, они были приписаны разного рода активистами еще молодыми людьми и идеологически обработаны более авторитетными функционерами³⁸.

В тяжелейший для Ленфронта период 1941–1942 гг. чрезвычайные меры высшего военно-политического руководства страны и Ленинграда сказались не только на украинцах или белорусах, призванных из западных областей, но и на всех без исключения советских гражданах, с оружием в руках защищавших город и подступы к нему. На них всех распространялись так называемые оперативные мероприятия Особых Отделов НКВД.

С 22 июня 1941 г. по 1 января 1942 г. из частей Ленфронта ими было изъято путем арестов более 7,5 тыс. чел., из них за контрреволюционную деятельность — почти 3,7 тыс. военнослужащих. Примерно такое же количество человек было изъято за воинские преступления³⁹. По характеру совершенных преступлений число арестованных за контрреволюционную деятельность выглядело следующим образом: изменники Родины — 1325 чел.; антисоветчики и пораженцы — 1987 чел.; террористы — 140 чел.; шпионы — 121 чел.; участники контрреволюционных организаций и групп — 60; иные — 35 чел.

Из дел и донесений видно, что основными их фигурантами по национальному составу были русские — 5 398 чел. В этот же период репрессиям подверглись 999 украинцев, 592 белоруса, 157 евреев, 115 финнов и карелов, 76 татар, 21 поляк, 18 казахов и 7 литовцев⁴⁰.

За пять месяцев войны из 7633 арестованных военнослужащих было закончено следствием и направлено по подсудности следственных дел на 5493 чел., из них групповых следственных дел — 178 на 727 чел. Решением судебных органов по этим делам было осуж-

дено к ВМН — 3408 военнослужащих. Остальные получили тюремные и лагерные сроки. К 810 чел. была применена ст. 28 УК РСФСР, согласно которой осужденные направлялись на фронт с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий.

С февраля 1942 г. в служебной переписке Особорганов, а также в спецдонесениях Особого Отдела НКВД СССР Ленфронта в адрес командования и НКВД СССР уже нет упоминаний об операциях в отношении украинских и белорусских националистов в частях и соединениях фронта, войсках и органах НКВД. На этом основании можно предположить, что задачи по их изъятию, сформулированные в августе 1941 г., были выполнены, а новые «контингенты» ОУНовцев не поступали по объективным причинам.

¹ 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 174.

² Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2006. С. 263–264.

³ Там же. С. 138–139, 141. — «Осадники» — польские колонисты на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Целью колонизации являлось упрочение экономической и политической базы польской оккупации, усиление польского влияния на этих землях. Осадники получали от польского правительства лучшие земли, их обеспечивали сельхозинвентарем и предоставляли кредит. К 1939 г. осадников насчитывалось около 35 тыс. чел. В 1939 г. осадники были высланы с территории Западной Украины и Западной Белоруссии (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 59).

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. С. 151–152.

⁵ Там же. С. 571.

⁶ Плеханов А. А. К вопросу о ликвидации националистического подполья на территории Западной Украины / Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы. 1945–1953 гг. М.; Великий Новгород, 2002. С. 58. — По мнению украинских историков, Е. Коновалец (1891–1938) был полковником Армии Украинской народной республики (УНР), инициатором создания Украинской Войсковой Организации (УВО) (1921 г.). В ИНО ОГПУ уже в начале 1928 г. имелись полные сведения о деятельности Е. Коновальца, Д. Донцова (создателя и первого руководителя «Союза Визволения України» (СВУ). — В. И.) и других влиятельных функционеров украинских националистических групп, находящихся в эмиграции (см.: Українська інтелігенція і влада: Зведення секретного відділу ДПУ УСРР 1927–1929 рр. / Упород.: В. М. Даниленко. Киев, 2012. С. 275–276, 477, 587, 677).

⁷ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 45.

⁸ Турченко Ф. Г. Новітня історія України. Частина перша. 1914–1939. Підруч. для 10-го кл. серед. загальноосвіт. навч. закл. Вид. 3-тє, виправл. та допов. Киев, 2008. С. 326–327.

⁹ Курас Л. В. Украинская этническая группировка в Харбине в 1930-е годы в освещении советской разведки / Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 85.

¹⁰ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946... С. 571.

¹¹ Турченко Ф. Г., Панченко П. П., Тимченко С. М. Новітня історія України (1939 – початок ХХІ ст.): Підручник для 11-го кл. серед. загальноосв. навч. закл. Вид. 5-те, доопрац. и допов. Киев, 2008. С. 8.

¹² Там же. С. 8.

¹³ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946... С. 264.

¹⁴ Там же. С. 287, 288.

¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. С. 35, 59.

¹⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Омской области (далее — Архив УФСБ РФ по Омской области). Ф. 40. Оп. 19 а. П. 2. Л. 72.

¹⁷ Там же. Л. 73.

¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. С. 444, 446, 450–451.

¹⁹ Там же. С. 481.

²⁰ Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 744.

²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. С. 482.

²² Впоследствии, в первой половине 1942 г., это было подтверждено совершенно секретным указанием НКВД СССР № 24 от 23 января «О мероприятиях по борьбе с “добровольческими” отрядами, созданными немецким командованием для диверсионной деятельности в тылу советских войск» и в совершенно секретной докладной записке НКВД УССР № 332 / сн от 23 марта Военному Совету Южного фронта о формировании «добровольческих отрядов и частей на оккупированной территории Украины» (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «блицкрига». 1 января – 30 июня 1942 года. М., 2003. С. 52–55, 286–290).

²³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. Начало. С. 480, 481.

²⁴ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14 а. П. 10. Л. 154, 155, 156, 157, 158.

²⁵ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 12. Оп. 2. П. 12. Л. 63, 64, 81, 82, 101, 104.

²⁶ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14 а. П. 10. Л. 189, 192.

²⁷ Там же. Оп. 19 а. П. 4. Л. 285, 287.

²⁸ Там же. Оп. 14 а. П. 11. Л. 39, 40.

²⁹ Там же. П. 10. Л. 159.

³⁰ Там же. П. 11. Л. 40.

³¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. 1 января – 21 июня 1941 г. М., 1995. С. 85–87.

³² Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14 а. П. 10. Л. 160, 161.

³³ Там же. Л. 160.

³⁴ Там же. П. 11. Л. 43.

³⁵ Там же. П. 10. Л. 162.

³⁶ Там же. Л. 58, 59, 60, 61, 62, 63.

³⁷ Там же. Л. 61.

³⁸ Только с 7 августа 1944 г. после постановления Пленума Верховного суда СССР № 12/8/у/с «О квалификации преступлений членов антисоветской организации “ОУН”» враждебную деятельность, совершенную против

советского государства «ОУНовцами» — членами антисоветской организации «ОУН» из числа советских граждан, надлежало квалифицировать по статьям 54-1 «а» или 54-1 «б» и 54-11 УК УССР (см.: Сборник законодательства и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 45).

³⁹ Иванов В. А. Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997. С. 290.

⁴⁰ Архив УФСБ РФ по Омской области. Ф. 40. Оп. 14 а. П. 10. Л. 156, 157.

УДК 94(47).084.8

Иванов В. А. Ликвидация ОУНовцев в войсках Ленинградского фронта (август – сентябрь 1941 г.) // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 25–38.

АННОТАЦИЯ: В данной статье рассматривается вопрос выявления и уничтожения антисоветского подполья из среды националистов из Западной Украины и Западной Белоруссии, по преимуществу украинцев по национальности, в войсках Ленинградского фронта в период августа – сентября 1941 г. Главенствующее место уделено членам Организации украинских националистов (ОУН), части которой удалось проникнуть в Красную армию в том числе для того, чтобы организовывать переходы на сторону германского противника. В статье анализируется численность членов ОУН в Красной армии, их настроения, связь с руководством националистического подполья как на вновь присоединенных территориях Советского Союза, так и за рубежом СССР. Особое место уделено в данной статье статистике всех осужденных, в том числе к высшей мере наказания, представителей «националистического подполья», с широким привлечением материалов ведомственных архивов, а также проведен сравнительный анализ арестованных на Ленинградском фронте в августе – сентябре 1941 г. украинцев с репрессированными категориями представителей других национальностей. Особое место в работе уделено дискуссии о целесообразности жестких карательных мер по отношению к данной категории военнослужащих Ленфронта в критический период Великой Отечественной войны. Статья продолжает широко известный спор о степени участия представителей Организации украинских националистов в карательных операциях против населения Советского Союза, их сотрудничестве с германскими карательными и разведывательными службами, вермахтом, содействии пропаганде идей поражения в первой период войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ОУН, украинские националисты в РККА, Особые Отделы НКВД, Ленинградский фронт, репрессии, Военные трибуналы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); saw357@mail.ru

Ivanov V. A. Liquidation of the members of Organization of Ukrainian nationalists in the troops of the Leningrad front (August – September 1941)

ABSTRACT: This paper deals with the problem of detection and liquidation of an anti-soviet movement from Western Ukraine and Western Belarus, mostly ethnic Ukrainians, in the troops of the Leningrad front in August – October 1941. The paper predominantly focuses on the members of the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN), part of which managed to sneak into the Red Army to

organize conversions to the German side. Special consideration is given to the question of the number of members of the OUN in the Red Army, their sentiments and their relationship with the leadership of the nationalist movement on the territory of the newly annexed territories of the Soviet Union and outside the USSR. Particular attention in this article is paid to the statistics of all the convicted (including those sentenced to capital punishment) representatives of the “nationalist movement” with a broad use of materials from departmental archives, as well as a comparative analysis between those arrested and the repressed categories of other nationalities at the Leningrad front in August – September 1941. A special place in the article is given to the question of the appropriateness of harsh punitive measures against this category of servicemen in the critical period of the Great Patriotic War. The article contributes to the well-known controversy about the extent of the participation of the Organization of Ukrainian Nationalists in punitive operations against the population of the Soviet Union, and its collaboration with German punitive and intelligence services and the Wehrmacht, promoting propaganda of defeatism in the first period of the war.

KEYWORDS: Organization of Ukrainian nationalists, Ukrainian nationalists in Red Army, Special Departments of NKVD, Leningrad front, repressions, War tribunals.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Honored high school educationalist of Russian Federation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); saw357@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ *1941 god — uroki i vyvody* (Moscow, 1992).
- ² ‘Lubianka. Stalin i NKVD-NKGB-GUKR “Smersh”. 1939 – mart 1946’ in *Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti*, Ed. A. N. Yakovlev (Moscow, 2006).
- ³ *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dokumentov*. Vol. 1. Book 2. 1 January – 21 June 1941 (Moscow, 1995).
- ⁴ *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dokumentov*. Vol. 2. Book 1. 22 June – 31 August 1941 (Moscow, 2000).
- ⁵ *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine: Sb. dokumentov*. Vol. 3. Book 1. 1 January – 30 June 1942 (Moscow, 2003).
- ⁶ Plekhanov A. A. ‘K voprosu o likvidatsii natsionalisticheskogo podpolia na territorii Zapadnoi Ukrainy’ in *Istoricheskie chteniia na Lubianke. 2001 god. Otechestvennye spetssluzhby v poslevoennye gody. 1945–1953 gg.* (Moscow - Velikii Novgorod, 2002).
- ⁷ *Ukrainska inteligentciia i vlada: Zvedeniia sekretного viddilu DPU USRR 1927–1929 rr.* (Kiev, 2012).
- ⁸ Sudoplatov P. A. *Spetsoperatsii. Lubianka i Kreml 1930–1950 gody* (Moscow, 1997).
- ⁹ Turchenko F. G. *Novitnia istoriia Ukraini. Part 1. 1914–1939* (Kiev, 2008).
- ¹⁰ Kuras L. V. ‘Ukrainskaia etnicheskaia gruppirovka v Kharbine v 1930-e gody v osveshchenii sovetskoj razvedki’ in *Istoricheskie chteniia na Lubianke. 1997 god. Rossiiskie spetssluzhby: istoriia i sovremennost* (Moscow - Velikii Novgorod, 1999).
- ¹¹ Turchenko F. G., Panchenko P. P., Timchenko S. M. *Novitnia istoriia Ukraini (1939–pochatok XX st.)* (Kiev, 2008.)
- ¹² Ilmjärvi M. *Bezmolvnaia kapituliatciia. Vneshniaia politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdumia vojnami i utrata nezavisimosti (s seređiny 1920-kh godov do anneksii v 1940)* (Moscow, 2012).
- ¹³ *Sbornik zakonodatelstva i normativnykh aktov o repressiakh i rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii* (Moscow, 1993).
- ¹⁴ Ivanov V. A. *Missiia Ordena. Mekhanizm massovykh repressii v Sovetskoj Rossii v kontse 20-kh–40-kh gg. (na materialakh Severo-Zapada RSFSR)* (St. Petersburg, 1997).